

Домашние тапки или Путешествие израильтянина в Казахстан

Всё началось с того, что я приехал не в Казахстан, а в Россию. В России мне порекомендовали затеять небольшую продуктовую фирму. Почему именно в России? Потому что некоторыми владеет пагубная идея, что, так как Россия большая, то всё маленькое, что в ней затеваешь, разрастается до громадных всероссийских размеров. В Израиле же, если затеваешь что-то маленькое, оно так и останется маленьким, потому что Израиль маленький. Так вот вам мой совет – никому не верьте. Сидите со своим маленьким и радуйтесь. Ибо практика показала, что в России разрастается всё, что угодно, только не то, что нужно. Вот затеял я в Москве свою маленькую продуктовую фирмочку, стала она понемножку набирать обороты, как завис над ней злобный коршун, покружил-покружил, спикировал и погубил. Нет, это не то, что вы думаете. Это не предложение крыши, не конкуренты и не пожарная инспекция. Это гораздо опаснее. Это Исаак Аронович из Чикаго. От Исаака Ароновича в Москве ещё никто не устоял. Всем известно, что израильские евреи хорошие, а американские – плохие. Ибо они недопонимают, где им надо жить. Так вот, этот Исаак Аронович ещё хуже. Мало того, что он американский еврей, так он ещё живет в России. Представляете, что за рыба такая? Зачем я только с ним связался? Короче говоря, приходит он ко мне в офис в Москве и говорит:

– Я готов быть вашим дилером по Казахстану. Ибо президент республики, а точнее, его брат – ближайший друг подруги моей жены по Казахстану.

То есть, у него есть жена по Казахстану, и её подруга имеет дружбу с братом президента. Очень заманчивые перспективы.оборот в масштабах республики, закупки на средства государственного бюджета и так далее. Думал ли я, гордый и свободный гражданин маленькой, но суверенной страны, которая одной ногой уже стоит в европейском сообществе, что вместо обещанного бриллиантового дыма буду скитаться по республике как пёс, в рваных штанах, небрит и немыт, буду выходить на улицу только по ночам. А чтобы попасть обратно, границу перейду в степи, по чужому паспорту, сигая меж столбов, как заяц? Думал ли я, что родное израильское посольство не поможет мне, а помогут незнакомые бельгийцы, которые меня знать не знают?

Началась моя поездка с визита в посольство Казахстана в Москве. Ибо мне, в отличие от гражданина СНГ, в Казахстан нужна виза. Ибо российского гражданства у меня давно уже нет.

Когда я шёл в посольство за визой, мною владело чувство удовлетворения – ведь я делаю всё по правилам, уважаю чужие законы, и в ту минуту я был сыт. Вот почему я это добавляю: после поездки в Казахстан хочу вам заявить – даже если вы делаете всё по правилам и уважаете чужие законы, вы всё равно не испытаете полного удовлетворения, если при этом вы не сыты.

В посольстве Казахстана мне сказали:

- Чтобы оформить вам визу, нам потребуется десять дней.
- Но мне надо вылететь завтра!
- Ничем не можем помочь.
- Я готов к неформальным договоренностям.
- У нас этого нет.

С этим я и вернулся в офис. У меня было чувство, что посольство я посетил американское. „У нас этого нет“. До такого далеко и Америке. Видели бы вы, как на меня налетел Исаак Аронович.

– Вы сошли с ума! Вылететь надо завтра! Правительство разъедется, через десять дней никого уже не будет!

- Соберёмся после.
- После я уеду в Чикаго!
- Кстати, как вы собираетесь быть дилером по Казахстану, живя в Чикаго?
- Вы ничего не понимаете! Вы отстали! У меня интернет! Во многих фирмах мира я уже известный дилер по Киргизии, Удмуртии и многим странам Центральной Африки! Как вы можете такое вообще спрашивать?
- Хорошо, прошу прощения. Но не могу же я лететь без визы!
- Можете! Зачем вам вообще эта виза? Возьмите паспорт своего водителя, и летите себе! Никто на регистрации не проверяет!

Да, эта мысль действительно не приходила мне в голову. Можно попросить паспорт у водителя, мы с ним одного возраста, и поехать по этому паспорту.

Этой же ночью я позвонил Пете и попросил его, чтобы он привёз мне паспорт. Здесь два уточнения, чтобы не возникало вопросов. Во-первых, в Москве почему-то у всех водители. Во-вторых, эти водители никогда почему-то не спрашивают, когда у них зачем-то берут паспорт. Короче, говоря, этим же вечером Петя привёз мне паспорт и билет на самолёт на его имя. Я дал Пете выходные дни и на следующее утро поехал в аэропорт сам, на такси, ибо Петя без паспорта водить машину уже не мог.

По дороге в Домодедово я, на всякий случай, внимательно заучивал наизусть все данные, содержащиеся в его паспорте. Здесь, конечно, меня ждало ужасное разочарование в Пете, и даже озлобленность на него. Успеть в его возрасте столько раз поменять жён, столько от каждой из них родить детей, столько раз переехать с квартиры на квартиру и перепрописаться! Становилось ясно, что когда Петя всё это проделывал, он нисколько обо мне не думал. То есть, говоря нашим с вами языком, это было настоящее русское хамство! Эгоизм! Ведь у каждой жены, как вы понимаете, своё имя-отчество, своя девичья фамилия, у каждого ребёнка имя, у каждого адреса своя улица, корпус, квартира, и всё даты, даты, даты! Так напрягать мою память, истерзанную заботами о его же, можно сказать, благосостоянии, было со стороны Пети просто немилосердно. Я твёрдо решил поговорить с ним по возвращении. Выглядело странным, что у Пети в этом паспорте оказался только один год рождения. Я успокаивал себя тем, что в адресах могли бы указывать и количество этажей, и год постройки, и квадратные метры, и номер кодового замка, и тогда мне пришлось бы совсем уж плохо. Короче говоря, когда я приехал в аэропорт, у меня под глазами была синева, взгляд был как у обкуренного, я непрерывно бормотал какие-то цифры, но при этом знал всё твердо, как Штирлиц. Войдя в зал, я поискал глазами Исаака Ароновича, с которым мы должны были лететь в одном самолёте, и если бы нашёл, то, наверное, убил бы за эти мучения. Однако, не нашёл. А вы не пугайтесь, я уже пролечился и ко всем людям теперь отношусь ровно и хорошо.

Короче говоря, с регистрацией получилось всё как по маслу. У меня взяли паспорт и билет, приняли в багаж чемоданы, поставили штампы и отправили наверх, на посадку. Я поднялся наверх, и тут меня ждал сюрприз – там стояла цепь будок, и в них сидели женщины с погонами. А над всеми этими женщинами было написано: Федеральная Пограничная Служба. Я показал другим пассажирам, ожидающим в зале, на всё это безобразие и рассеянно спросил:

- А это зачем?
  - Как? – ответили мне, – С сегодняшнего дня Казахстан – суверенная республика!
- Я понял, что мне следует повернуться и идти домой. Так и сделал бы любой разумный человек на моём месте. Но моя глупость – она и превратила меня в бомжа на чужбине. Мне стало ужасно жалко своих титанических усилий по заучиванию чужих жён и адресов. Куда это всё – коту

под хвост? Когда я был студентом – выучишь билет, а его не спросят. Нет, решил я, чувствуя, как во мне закипает ярость, вы у меня всё выслушаете! Я вам про каждую свою жену расскажу! Как я с ней то и как я с ней это! Я вам объясню, откуда дети берутся! Каждой, каждой из вас!.. Так оно, к сожалению, и случилось. Ну, и сыграла свою роль, конечно, удача и спокойствие на регистрации. Так удачно всё получилось, и я пошёл вперёд...

Я остановился перед будкой и подал паспорт. Девушка в погонах стала обыденно переписывать с него какие-то данные, и, прежде чем вернуть его, взглянула на моё лицо. Потом снова посмотрела в паспорт. Потом снова на лицо. Я глупо улыбнулся. Девушка сказала:

– Это не вы.

Я изобразил недоумение.

– Как это не я?

– Не вы, – сказала девушка, сочувственно улыбнувшись.

– Ну как же, вы посмотрите внимательнее! – сказал я.

Девушка посмотрела внимательнее.

– Неужели не похож? – надавил я.

– Похожи, – сказала девушка.

– Ну, вот видите! – приободрился я.

– В целом похожи, – сказала девушка, – Но по отдельности... Брови не ваши, уши не ваши, рот не ваш, глаза не ваши...

– А в целом-то похож?

– Похож. Но это не вы.

Она нажала кнопку и над крышей её будки загорелась лампочка вызова.

„Нужно было идти домой”, – подумал я.

На вызов пришла её подруга – тоже в погонах. Они стали шептаться. Подруга тоже поглядывала то на меня, то на паспорт. А потом и говорит:

– Как вас зовут?

Я приободрился. Вот он экзамен! Сейчас я вам покажу! Кровь во мне закипела, и я без запинки произнёс Петину фамилию, имя и отчество.

– Когда и где вы родились?

Я ответил, опять же без запинки, спокойно и с достоинством.

- Как звали вашу первую жену? – спросила она, листая паспорт, – Где вы были прописаны в первый раз? С какого времени вы военнообязанный? Какая у вас группа крови?

Не было вопроса, во время ответа на который я бы хоть раз запнулся. Я понял, что ещё немного, и на последней странице паспорта они поставят мне пятёрку и отпустят в самолет.

- А почему вы пучеглазый?
- Фотограф испугал.
- А почему худой?
- Трудный был период.
- А усы почему?
- Сбрил.
- Ну и ну, – девушка улыбнулась.
- Вечно у меня с этим паспортом проблемы! – сказал я, – надо будет сменить фотографию. А как вернусь, фотографу жалобу напишу.
- Фотограф, наверное, не ту фотографию вам дал, – сказала девушка.
- Не знаю, – сказал я, – Я очень много езжу. И такое вот в первый раз...

Девушка смотрит на меня ласково, и мне приходит в голову, что она милая. И вдруг эта девушка идёт на такую подлость, что у меня просто темнеет в глазах. Она даёт мне чистый листочек бумажки и ручку и тихо так говорит, глядя мне прямо в глаза:

- Распишитесь!

Боже мой, а роспись-то я не выучил! А паспорт-то уже у них, как я теперь подгляжу? Я и так, и эдак, шею тяну, а они – нет, не показывают. Как же он расписывается, этот Тришкин? Я взял ручку и невозмутимо расписался. Буднично так расписался, как ни в чём ни бывало, и подаю им этот листочек.

Она посмотрела, усмехнулась, переглянулась с подругой и показывает мне через стекло паспорт. Там, под фотографией, такое! Ну, никак человек с фамилией Тришкин не может так расписываться! Если он со здоровой психикой. Дурной сон! Вычурная, мерзкая такая каракулина! Из каждой закорючки – ненависть, ненависть ко всему роду человеческому! И прежде всего ко мне! И этому человеку я доверял возить меня по Москве? Да я остался жив чудом! Всё, решил я, больше этот человек моим водителем не будет. Нет, вы только подумайте, так подставить своего босса, в такую трудную минуту!

Тем временем над кабинкой снова зажглась лампочка вызова. Теперь к ней шёл вышестоящий чин – офицер федеральной пограничной службы. При виде его я снова пожалел, что не повернул обратно. Они немного посоветовались, после чего он взял мой паспорт, вышел из кабинки и говорит:

- Пойдёмте со мной. И возьмите свои вещи.

Я взял свои вещи и пошёл за ним. Пока мы шли, я подумал о том, что мне следовало бы взять в эту поездку еды на три дня.

Мы пришли с ним в такую комнату, в которой одна стена была зеркальная и что за ней – неизвестно. Он посадил меня за стол боком к этой стене и говорит:

– Вы совершили попытку пересечь федеральную границу России по чужому паспорту. Я прошу вас самому рассказать нам всё по порядку и назвать своё истинное имя.

Я подумал-подумал, и говорю:

– Если вы считаете, что это не я...

– Мы не считаем, – сказал он. – Мы уверены.

– Хорошо, допустим, что на фотографии изображён не я. Но это ведь не значит, что весь паспорт не мой? Я же не виноват, если фотограф ошибся и выдал мне не ту фотографию! Или же кто-то в паспортном столе вклеил мне фотографию другого человека. Я вообще фотографию эту никогда толком не рассматривал. Жёны мои, адреса мои, жизнь моя, а фотография не моя? Абсурд!

Он протянул мне листок с подписью.

– Ну и что? – сказал я, – Я несколько раз менял свою подпись. Это же от характера зависит. Человек развивается, меняется...

– Послушайте, вы хотите улететь?

Я подумал о тех миллионах долларов в минуту, которые я должен заработать в Казахстане.

– Хочу, – сказал я.

– Так вот, садитесь и пишите!

– Что писать?

– Пишите своё истинное имя, больше ничего.

– Да нечего мне писать!

– То, что этот паспорт не ваш, мы на эту тему даже не будем спорить. Пишите своё истинное имя.

– Послушайте, давайте рассуждать логически. Допустим, я действительно другой человек. Это мы только допустим, теоретически, хорошо?

– Хорошо.

– Так вот, скажите, если уж я скрываюсь под другим именем, какая мне логика теперь раскрываться и называть своё истинное имя?

– Логика такая, что если вы не напишете, вас отвезут в другое место. А если напишете, мы вас отпустим в самолёт.

Слова „отпустим в самолёт” прозвучали для меня как музыка. Я представил себя сидящим в удобном кресле в самолёте и вдруг понял, что я всем сердцем этого хочу.

– Хорошо, допустим, что это паспорт не мой. Тогда скажите, где гарантии того, что если я назову своё истинное имя... то есть, якобы своё истинное имя, то вы действительно отпустите меня в самолёт?

– Слово офицера.

Я понял, что попал в крайне сложную ситуацию. С одной стороны, я не мог оскорбить собеседника недоверием и поставить под сомнение слово офицера. С другой стороны интуиция просила более жестких гарантий. Я растерялся. Как попросить гарантий, не обидев офицера? И я, проникновенно глядя ему в глаза, сказал следующее:

– Верю. Но где гарантии?

Эта взаимоисключающая фраза была самой нелепой из тех, что мне приходилось произносить в своей жизни, но она точно отражала все то смятение, что владело моей душой. Он, видимо, меня понял. Он сказал:

– Поймите, нам не нужно вас задерживать. По новым правилам мы таких теперь выпускаем. Другое дело, что назад по этому документу вы уже не въедете. А выпустить мы вас выпустим.

– Интересно, – сказал я, – а вдруг я кого-то убил или ограбил? Вы же не знаете по каким причинам я еду якобы не под своим именем?

– Не знаем. Но новая инструкция приказывает нам выпускать, но не впускать.

– Хорошо, допустим, что вы меня пропустите через ваши будки и сдержите своё слово. Но следом милиция, контроль безопасности, и они, видимо... То есть, вы задержите меня чужими руками?

– Нет. Милиция – это другое ведомство. А мы пограничная служба. У нас разные задачи.

– То есть, вы им не сообщите?

– Нет.

– И я беспрепятственно пройду через них в самолёт?

– Да.

– Тогда давайте сделаем так. Я пройду в самолёт, сяду в кресло, и прямо там напишу вам все, что вы хотите.

– Нет, в самолёт нам нельзя. У нас своя зона, она кончается здесь. Следовательно, все наши с вами проблемы мы должны решить здесь.

– Хорошо, допустим, мы решим наши проблемы здесь, и я пройду и милицию, и сяду в самолёт. Но вы, видимо, сообщите казахской стороне, и тогда их пограничная служба меня задержит?

– Их пограничная служба вас действительно задержит. Но это потому, что не задержать вас с таким паспортом просто нельзя, а вовсе не потому, что мы им сообщили. С сегодняшнего дня мы не обязаны им ничего сообщать, и такого договора у нас нет.

– Разрешите, я немножко подумаю?

– Подумайте. Но учтите, что все пассажиры уже в самолёте и он ждёт только вас. Я кивнул. У моего виска неслись мгновенья. Я лихорадочно размышлял. На мой взгляд, складывалась вполне правдоподобная картина того, что меня могут отпустить. С другой стороны, я никак не мог в это поверить.

– Поймите, – устало сказал офицер, – У вас могут быть разные причины скрывать своё имя. Вы можете бежать от алиментов. Вы можете спастись от должников, кредиторов или конкурентов. Мы выпускаем. Нам только важно предъявить этот листок с вашим именем, чтобы не опо-

зориться, когда казахская сторона вас задержит. Потому что они депортируют вас обратно к нам, и нам нужно доказать, что мы вас зарегистрировали.

– Понимаю... – сказал я, продолжая размышлять.

– Если бы вы были не гражданин России, например, американец или француз, то разговор был бы совсем другой. Мы бы с вами тут даже разговаривать не стали, вас бы сразу увезли в другое ведомство. Но так как вы наш...

В эту секунду я похолодел от мысли, что он может узнать, что я уже десять лет не „наш”, и обрадовался, что мой израильский паспорт остался в Москве. И с этой секунды я сразу понял, что всё, что он говорит – правда, и меня сейчас действительно отпустят в самолёт. Я не колеблясь взял ручку и написал: „Иванцов Сергей Петрович”. В эту напряжённую минуту ни на что другое моей фантазии не хватило, а писать Пушкин Александр Сергеевич – этому противилась интуиция.

– А если я написал не своё имя? – спросил я.

– Разбираться будем, когда вас депортируют обратно, – сказал офицер. – Добавьте год рождения.

Я добавил год рождения (в знак признательности это был истинный год моего рождения), и, вы не поверите, скоро я уже шёл какими-то коридорами к летному полю. На лётном поле меня посадили в чёрную „волгу” и повезли к самолёту.

Улыбчивые стюардессы приняли меня как обычного пассажира.

В салоне самолёта я встретил Исаака Ароновича.

– Где это вы пропадали? Я слышал от стюардесс, что самолёт держат только из-за вас! – желчно спросил Исаак Аронович.

– Дела в Госдуме, – сказал я беспечно.

– А что это за чёрная „волга”, которая вас подвезла? Как это она проехала на лётное поле?

– Это машина начальника аэропорта, – сказал я, – Мою машину не пропустили.

Самолёт оторвался от земли и набрал высоту. Пока развозили напитки, я размышлял о том, что ждёт меня в Казахстане. Если меня задержат в погранзоне аэропорта, это будет ощутимым ударом по моей деловой репутации в глазах какого-никакого, однако всё же Исаака Ароновича. Но судьбе было угодно вести меня все дальше и дальше. В аэропорту Алма-Аты на выходе из самолёта нас ждала правительственная машина. Она забрала нас прямо у трапа и вынесла на территорию республики, минуя пограничный контроль. Сидя рядом со мной на заднем сиденье, Исаак Аронович победно смотрел на меня, и я понял, что безнадежно померкли мои дела в Госдуме и мифическая машина начальника аэропорта.

Небольшое отступление. Это для того, чтобы вы правильно отнеслись к этим вещам. В России в деловом мире очень много показухи. Встречаются очень дорогие сверкающие „мерседесы”, у хозяев которых нет денег на бензин. В российском банке охранник одет дороже и лучше, чем в израильском банке президент. Это и понятно – по соображениям репутации. Если за банком нет истории, то есть хотя бы внешний вид его охранника. Напротив моего офиса в Москве есть банк, который отделывали мрамором долго, дорого и тщательно. Когда, наконец, ремонт закончили, и отмыли стёкла, на окно повесили бумажку с текстом: „Распродажа имущества банка. Телефон такой-то”. То есть, если партнеры что-то говорят друг другу про Госдуму, начальника аэропорта или пускают друг другу пыль с помощью найма правительственных машин и гаишников для со-

провождения, это такая же необходимость этикета российского бизнеса, как придти в галстуке или напоить в своём офисе чаем.

Итак, мы приехали в Алма-Ату. Презентация моей фирмы была проведена с блеском, и всё обещало большой успех. Несколько каналов местного телевидения, брат президента республики, множество видных бизнесменов и политиков – словом все, кого удалось притащить Исааку Ароновичу, доказывали, что у него длинные руки, и из далёкого Чикаго он вполне может быть успешным дилером по далёкой республике.

Я выступил по государственному телевидению, рассказал какие блага несёт в себе перспектива сотрудничества республики с моей фирмой. Когда шум и блеск отгремели, надо было возвращаться в Москву. Я распрощался с Исааком Ароновичем, который не медля улетел в свою Москву, а оттуда в Чикаго – ему надо было успеть на день рождения дочери.

– А ты чего здесь забыл? – спросил он, видя, что я не спешу улетать.

Я объяснил ему, что у меня здесь остались дела, и я задержусь на несколько дней. Так я остался один. Как вы понимаете, я не мог обратиться ни к одному из моих новых влиятельных знакомых, появившихся благодаря презентации. Что я мог им сказать? Что я здесь под чужим именем? Что меня зовут не так-то, а так-то? Попросить сделать мне российский паспорт, в котором было бы любое имя, но при этом моя фотография? Что бы тогда подумали обо мне и моей фирме? Кто бы стал после этого иметь с нами дело?

Мне оставалось одно – скрыться с глаз моих новых знакомых, залечь, исчезнуть.

Я выехал из гостиницы и – оказался на улице. Сев на лавочку, я принялся размышлять. Вообще, первой моей мыслью было пойти в израильское посольство, чистосердечно рассказать свою ситуацию и попросить помощи. Несмотря на то, что мой израильский паспорт остался в Москве, я без труда доказал бы, что я израильтянин. Во-первых, я знаю каждый камень своей родной Петах-Тиквы, во-вторых, я разговаривал бы с ними на иврите, а в-третьих, я помню наизусть номер своего теудат зеут. Но какова она, та помощь, которую могло бы оказать мне посольство? Ясно, что пойти к казахам и сказать: „Помогите нашему человеку” они не смогли бы. Ведь я нарушил закон этой страны, въехал в неё без визы, и нахожусь на её территории незаконно. Преступивший закон не может рассчитывать на помощь и содействие местных властей. Тем не менее, посольство попыталось бы мне как-то помочь, предположил я, но как? Они могли бы договориться с казахской стороной только об одном – не трогайте этого человека, дайте ему беспрепятственно покинуть страну. И, договорившись об этом, они бы по временному документу отправили бы меня в Израиль. Таким образом я бы прекрасно вышел из этой ситуации и оказался бы дома. Но посмотрите, разве мог я принять эту помощь? Въехав в Израиль, я больше не смог бы въехать потом в Россию – страну, в которой у меня фирма, моё детище, делающее первые шаги. Кроме того, в России до сих пор находился мой израильский паспорт и по данным российской пограничной службы я до сих пор оставался в Москве и никуда из неё не выезжал. Выходит, если я снова в Россию въеду, значит, когда-то я незаконно её покинул? Тогда меня немедленно отвезут в другое ведомство, ведь я „не наш”, и попросят – расскажите когда, где и при каких обстоятельствах? И весь мой рассказ воспримут как сказку про белого бычка. И главным свидетелем против меня будет мифический „Иванцов Сергей Петрович” – имя, с помощью которого я осознанно и вторично ввёл в заблуждение российские федеральные пограничные органы. Причём, дело не в подложном имени, а в том, что я не „наш”! Вот оно, главное, что я скрыл в Домодедово, и тем самым избежал мгновенного увоза в другое ведомство. Иначе говоря, если я воспользуюсь помощью израильского посольства в Казахстане и улечу домой в Израиль, то в России мне потом лучше не появляться.

Однако, всё же была одна тонкая ниточка моих рассуждений, в которой посольство всё же могло мне как-то помочь. Я представлял это так. У израильского посла обязательно должен ходить в друзьях некий местный еврейский бизнесмен. Так почему-то мне казалось. Этот бизнесмен был

мне и нужен. Так как российский бизнес повсюду в той или иной степени связан с криминальным миром, я был уверен, что эта бизнес-рыба поможет мне связаться с местным криминалитетом и они, из уважения к нему, гарантированно сделают мне паспорт на любое имя, но с моей фотографией. И паспорт этот будет чистый, то есть на этом имени, фамилии и отчестве не будет висеть никакого криминала, в результате которого меня в российском аэропорту могут опять схватить. Ибо если схватят, то на этот раз мне уже не придётся, тыкая в фотографию, доказывать, что это я. Придётся доказывать обратное. Я даже представил, как убеждаю собравшихся вокруг меня пограничников:

– Не похож, ну посмотрите! Разве это я? Глаза не мои, брови не мои!

Мысли о том, что меня не подставят, были навеяны чувством еврейской солидарности евреев всего мира, в данном случае казахских, российских и израильских.

Я подошёл к телефону-автомату и позвонил в посольство. Однако телефон не отвечал. Не включался и автоответчик, который обычно включается в израильских посольствах других стран, где мне приходилось бывать в путешествиях и, попав в трудную ситуацию, обращаться даже среди ночи.

Мне пришлось выяснить, где находится израильское посольство, и я поехал прямо туда. Меня встретило запущенное трёхэтажное здание с невымытыми стёклами и запертыми дверьми, над которым даже не висело флага. Позже я узнал, что посольство в те месяцы ещё не работало, оно только открывалось. Посольство уже было, но посол ещё назначен не был. Так что с мыслями о еврейской солидарности пришлось временно попрощаться.

Я разыскал своего старого друга, с которым когда-то учился, казаха по имени Жулбек, и поселился у него. Он мне очень обрадовался, и обиделся, что я не поселился у него сразу же, как приехал. Мы выпили, и я рассказал ему свою историю. Я объяснил ему, что мне остается только одно – спуститься в нижние, придонные слои общества, где в сумраке обитают разные мутные рыбы, с мордами, искривлёнными как у камбалы, всё от придонного образа жизни, и войти с ними в сговор с целью получения необходимой мне ксивы. И попросил Жулбека быть моим Вергилием в этом мире и помочь мне найти контакт с этими мордами. Жулбек сказал, что это проще простого.

Воодушевлённый его ответом, я спокойно уснул под новой крышей. Забегая вперед скажу, что прошёл день, два, три, а Жулбек всё никак не мог организовать обещанную встречу. Я стал ругать Жулбека, объясняя ему, что в Москве у меня стоят дела, а в Израиле волнуются родственники. Тогда Жулбек куда-то позвонил, поговорил по-казахски, и сказал:

– Ну, пойдём.

Мы пришли в какой-то дом на краю города. Там у меня состоялся разговор с девушкой по имени Алпыс. Вот что она сказала:

– В принципе, мы можем сделать вам российский паспорт на любое имя, в который будет вклеена ваша фотография. Это будет стоить пятьдесят долларов.

– Сколько это займёт времени? – спросил я.

– Час-два.

– Боюсь, мне это не подойдёт, – сказал я.

– Почему? Паспорт будет очень хорошего качества, – она пригласила меня в соседнюю комнату, в которой на столе были разложены обрезки российских паспортов, отдельные страницы, обложки, фотографии.

– Вы с ума сошли, – сказал я, – Вы меня совершенно не поняли. Мне нужен чистый, чистый паспорт!

– Что это означает? – спросила девушка.

– Это означает, что кто-то, кто на это согласится, должен потерять паспорт, заявить об этом в милицию, и взамен утерянного получить новый, но уже с моей фотографией! И тогда с этим паспортом я уеду, пройду границы, и тотчас верну его вам, чтобы вы имели гарантию того, что я больше никак не буду его использовать.

– Это стоит триста долларов.

– Хорошо.

– И займёт неделю.

Так закончился этот разговор. Я ждал неделю, и другую, и третью. В ответ на мои звонки следовали отговорки и объяснения, я потерял терпение, договорился о встрече и поехал к ним сам.

– Вы не понимаете, это сложная процедура. Человек не может сразу получить новый паспорт. Он получает сначала форму номер девять. Это справка об утрате паспорта. С этой формой он ходит месяц, на случай, если за этот месяц его паспорт найдётся. Мы пытаемся этот срок сократить, но не всё в нашей власти. Нужный чиновник в отпуске. Он вернётся со дня на день. Только после формы номер девять вы получите паспорт с вашей фотографией. Вы же сами хотели чистый паспорт? Вот и ждите. Мы позвоним вам сами.

Честно говоря, время шло и шло, и я превратился уже в настоящего казаха. Я загорел, оброс, от постоянного солнца у меня сузились глаза. На базаре я купил себе такую меховую шапку и халат, и стал в них ходить. Если бы я так появился дома, никто бы меня просто не узнал. Вы не представляете, сколько у меня было неотложных дел! Но всё это было где-то далеко. Я попытался психологически приготовить себя к такому повороту событий, что ничего не получится, и я останусь здесь навсегда, женюсь и заведу баранов. Но подготовиться к этому мне не удалось, и я только разволновался. Терпение моё достигло предела.

Когда я пришёл домой, оказалось, что жена моего друга купила мне домашние тапки, национальные такие, валяные, расшитые узорами. Ведь до этого я ходил у них босиком. С гневом и яростью воспринял я эту покупку.

– Никогда, – сказал я, – не надену я эти тапки!

– Почему? – спросила жена друга.

– Потому что тапки эти домашние! А я не дома! Я здесь торчу, понимаете? А дом у меня далеко! Буду босиком ходить!

– Ходи как хочешь, – сказала жена друга и обиделась.

Несмотря на договорённость, я дважды в неделю звонил Алпыс и желчно спрашивал её о том, как движутся дела.

Наконец, она сказала следующее:

– Ваша справка номер девять уже находится у начальника милиции, нужного нам человека. Но пока он её обработать не может.

- Почему?
- Потому что его нет.
- А где же он?
- Мы его ищем.
- Он что, пропал?
- Да.

На следующий день я позвонил снова.

- Ну что, разыскали?
- Не волнуйтесь, он пропал не только для вас. Его ищет вся республика.

Надо сказать, это меня действительно немного успокоило. Через три дня Алпыс мне сказала:

- Можем вас порадовать.
- Не может быть!
- Да, представьте себе. Мы его нашли.
- Ну, он подписал?
- Ну что вы. Мы к нему пока не обращались. Он, понимаете, немножко выпил, и сейчас обнаружен в одном ауле у своего друга. Но он пока не может разговаривать. Он только глазами показывает. Мы показали ему вашу справку номер девять, но он показал глазами так, что мы ничего не поняли. Придётся подождать до завтра... Назавтра я снова позвонил Алпыс.
- Ну, он заговорил? – спросил я нетерпеливо.
- Заговорил. Но ответил отрицательно. Он нам ничего не сделает.
- Почему? – спросил я, чувствуя, как во мне закипает кровь. Убили два месяца, он, понимаешь, заговорил, все его искали, вся республика ждала его слова, и теперь он смеет отвечать отрицательно!
- Понимаете, – она понизила голос, – Он объяснил, что они уже много делали таких паспортов. И недавно их вызвали в Комитет Национальной Безопасности Казахстана, всех начальников милиций, и сказали: „Мы знаем чем вы все занимаетесь, но, несмотря на то, что мы расстались с Россией, у нас есть с ней договорённость, что мы будем вести себя прилично. Сажать мы вас всех не будем, иначе мы просто останемся без милиции, однако с завтрашнего дня мы просим всех вас больше этого не делать, хорошо?“ И поэтому теперь они больше этого не делают.
- Понятно, – сказал я, – Что же мне теперь делать?
- Приезжайте и забирайте свою справку номер девять. Она ваша. Попробуйте улететь с ней.

Мне не оставалось ничего другого, как забрать эту бумажку. Справкой номер девять оказался документ размером в половину тетрадного листа, на котором было написано, что некий Майстер Эдмунд Яковлевич (я попросил казахского немца, потому что когда мне сначала предложили не-

кого Кизякова Ивана Артемьевича, я повернулся к ним в профиль и сказал: „Вы что, издеваетесь над пограничной службой?“), немец по национальности, потерял паспорт, и эта справка является документом, временно удостоверяющим его личность. Рядом с этим текстом красовалась моя фотография.

- И что, с этим документом я смогу улететь в Россию?
- Почему бы нет? Попробуйте.

Я приехал в центральный аэровокзал Алма-Аты и купил себе билет на самолёт до Москвы на имя Майстера. После этого я догадался подойти к милиционеру, дежурившему в зале ожидания, показать ему свою справку и билет, и спросить:

- Скажите, моя фамилия Майстер, я потерял паспорт, и хочу по этой справке полететь в Москву. Не будет ли у меня там проблем?

Милиционер посмотрел на мою справку, потом на меня, и сказал:

- Майстер? Пойдёмте...

Это воспринялось мною как неприятность. Куда это он меня зовёт? Но не пойти я уже не мог. Он провёл меня по служебному коридору и показал на открытую дверь. Я увидел комнатку, в которой сидело человек десять.

- Видите этих? Все они пытались въехать в Россию по форме номер девять, и всех их вернули обратно.
- Спасибо, – сказал я. Ответ был исчерпывающим. Я вернулся в кассу и сдал билет.

Выйдя на улицу, я сел на лавочку и вспомнил тапки, которые купила мне жена друга. Что мне теперь делать? Перейти границу пешком? Но где и как? Я купил карту Казахстана. Протяжённость границы с Россией давала широкий выбор возможностей. Из опыта перехода границы мне была известна только попытка Остапа Ибрагимовича на румынской границе. Опыт был неудачным. Я предположил, что за такое короткое время такая большая страна, как Россия, к тому же истерзанная экономически, окажется не в состоянии оборудовать свою границу колючей проволокой и средствами электронного слежения. Я посмотрел в карту и увидел там лишь бескрайние степи. И понял, что смогу перейти их лунной ночью, как шпион.

Переезд границы по железной дороге исключался с самого начала. Ещё раньше мне объяснили, что молодая казахская государственность, не имеющая традиций и материальных запасов, наработанных за многие годы, как, например, в Шереметьево, рвёт и мечет, сдирая с пассажиров последние штаны при любом незначительном нарушении.

Я сложил карту так, чтобы был виден только тот участок, который граничил с Россией, и стал выбирать. Мне хотелось выбрать такое место, где с Российской стороны какой-нибудь город расположен наиболее близко к границе. Таким городом оказался Оренбург. Но с Оренбургом была проблема – граница проходила по реке Урал. Сразу вспоминались запомнившиеся с детства строки: „Сомкнулись круги над его головой...“ Это о Чапаеве. Герой пересекал границу вплавь и плохо кончил. Это случилось как раз на реке Урал. Разумеется, об Оренбурге после этого не могло быть и речи.

По сухопутной границе ближайшим городом к границе была Самара, но километров сто пятьдесят всё же надо было как-то преодолеть. Впрочем, уже с первого километра на российской территории, даже едва только ступив на российскую территорию, я сразу становился абсолютно законным. Ибо я сразу могу сказать – вон там лежит мой израильский паспорт, пойдите и проверь-

те. Гораздо опаснее были для меня те тысячи километров, которые мне предстояло проделать до границы по территории Казахстана под чужим именем. Я принял решение лететь к границе на самолёте. Тащиться по этим степям на попутках было просто невыносимо. С казахской стороны ближайшим к границе городом был Уральск. Я посмотрел расписание и обнаружил внутренний авиарейс по маршруту Алма-Ата – Уральск. Это как раз то, что мне нужно, решил я, только вот как я попаду в самолёт по чужому паспорту?

Я вернулся домой, к Жулбеку, и сказал:

– Короче говоря, ничего твои друзья мне не сделали. По справке я улететь не могу, так что возвращаю её тебе и можешь получить с них мой аванс, который я им заплатил. Я же буду пробираться через границу сам, по тому паспорту, с которым прилетел. Поэтому сделай мне хотя бы вот что – организуй, чтобы по этому вот паспорту меня посадили в самолёт до Уральска. Хотя бы это ты можешь?

– Нет, – сказал Жулбек, – На аэровокзале у меня никого нет.

– Врёшь, – сказала его жена, – На вокзале у тебя эта дрянь. Вот её и попроси.

Жулбек растерялся. Дело в том, что у Жулбека везде по Алма-Ате были подруги. Он вёл жизнь достаточно активную. В таких семьях обычно бывает так, что весь мир знает, и только жена не знает. А здесь было наоборот – один только Жулбек не знал, что его жена знает.

– Ладно, придумаем что-нибудь, – буркнул Жулбек.

– Вот-вот, придумай. Помоги человеку, – сказала жена.

Этим же вечером мы с Жулбеком поехали в аэровокзал. Там он вызвал свою пассию и говорит ей, показывая на меня:

– Смотри, Жанна, этот человек должен улететь как можно скорее в Уральск. Но у него проблема. У него лицо не совпадает с фотографией в паспорте.

– Как это?

– Ну, в паспорте у него одно лицо, а на голове другое.

Жанна посмотрела на мою голову так, как будто на ней было надето чужое резиновое лицо.

– А нельзя это лицо... как-нибудь снять? – спросила она озабоченно.

– Нельзя, – сказал Жулбек и беспомощно развёл руками. – Оно у него приделано.

– Приделано?

– Ну, конечно. Оно его собственное.

– Ага, – сказала Жанна, – А почему ж тогда оно не совпадает с паспортом? Он что, пластическую операцию сделал?

– Нет, он ничего не делал. Просто паспорт этот не его, а другого человека.

– А, так бы и сказал. А чего ж у него чужой паспорт-то? Он что натворил чего-нибудь?

– Ну, ситуация у него. Ты что помочь не хочешь?

– Да я понимаю, что ситуация. Но мне важно знать, есть тут криминал какой. С криминалом я работать не буду.

– Был бы криминал, я бы к тебе не пришёл.

– Ну, вот и всё, что я хотела услышать. Пойдемте со мной.

Она повела нас в комнатку, и указала мне на табуретку:

– Садитесь вот здесь.

Я послушно сел на табуретку. Кроме этой табуретки в комнате ничего не было.

– Ждите, – сказала она, и они вышли.

Я сидел, сидел, сидел, и ничего не происходило. Наконец, в коридоре послышались шаги, открылась дверь, и в комнату заглянул милиционер. Вместе с ним была Жанна. Милиционер внимательно посмотрел на меня, потом сказал Жанне:

– Ну, понятно.

Следом, через некоторое время, уже без Жанны, в комнату заглянули ещё три милиционера. Они тоже посмотрели на меня, сказали "Ну, понятно", и закрыли дверь. После них в комнату заглянул военный офицер. Он посмотрел на меня, хмыкнул, и говорит:

– Понятно.

И закрыл дверь. После него заглянули два пограничника:

– Гм, понятно.

После них заглянула женщина в форме авиакомпания:

– Понятно.

Потом заглядывали ещё какие-то люди. Когда всем стало всё понятно, тогда вернулась Жанна и сказала:

– Я всех предупредила. Вы пройдёте и улетите без проблем. Сейчас моя смена заканчивается, так что дальше всё будет без меня. Но вы не волнуйтесь. Везде свои люди, всё будет хорошо. Желаю удачи.

– До свидания, – сказал я. – И большое спасибо.

Жанна ушла домой, и мы остались вдвоём с Жулбеком. До вылета оставалось ровно четыре часа. Как раз в этот момент и объявили, что рейс задерживается ещё на шесть часов.

– О, ужас, – сказал Жулбек, – Уже через час все сменяются и заступит новая смена, которая ничего не знает! Придётся снова везти сюда Жанну!

Так и получилось. Заступили новые люди, на часах было два часа ночи, когда телефонным звонком мы разбудили бедную Жанну и вытащили её из теплой постели. Мы сообщили ей, что за ней выслана машина такси. Скоро Жанна приехала, и я снова был посажен в комнатку для прежней процедуры. Снова началась вереница лиц, все заглядывали в комнату и приговаривали: „Понятно. Ага. Угу. Хорошо. Всё ясно”. И так далее. В этот раз было больше усатых. Видимо, просто сов-

падение. По окончании процедуры Жанна снова попрощалась и уехала домой. Прощаясь и благодаря, мы выразили надежду, что рейс больше не отложат и будить её больше не придётся.

Жулбек, измождённый и немного пьяный, тоже был отправлен домой спать. Я остался совершенно один. До вылета оставалось несколько часов. Я бесцельно слонялся по пустому ночному аэровокзалу и прилегающей к нему площади, и на меня там и сям глазели различные должностные лица, коротавшие ночную смену – милиционеры, пограничники, таможенники, работники авиакомпании, и так далее. Всем я был знаком, все встречались со мной улыбочивым взглядом. Я ходил в роли известного городского шпиона, нёс в себе свою неведомую им тайну, и всем им, смею надеяться, было приятно, что у них тоже есть свой шпион, и что они тоже вовлечены в какую-то интригу. Ибо скука была смертная: во-первых, в эту ночь регистрировался только один единственный рейс – мой, на приграничный город Уральск. Во-вторых, здесь никогда ничего не случалось, потому что в Казахстане до сих пор царит добрая тихая атмосфера старого благополучного СССР. В-третьих, всё это происходило в кромешной тьме, в которую все дни моего пребывания был погружён этот огромный город. Он освещался только фарами машин и цветами светофоров – больше ничего нигде не светилось. По слухам, местная электростанция была продана бельгийцам, которые, в отличие от прежних хозяев, первым делом отключили всем свет за хроническую неуплату – сразу, как завладели. В этой атмосфере мрака, тишины, благозастойного советского спокойствия и гулкой пустоты аэровокзала выхаживал я, их шпион, их национальное достояние, самым своим фактом доказывая всем окружающим, что их Родина кому-то нужна, и враг не дремлет. Знаете, сам факт шпиона имеет громадное значение для воспитания патриотизма младшего офицерского состава. Смею надеяться, что когда-нибудь мои заслуги перед этой республикой будут отмечены правительством.

Наконец, объявили посадку. Мне пришлось прекратить воспитание их патриотизма, прервать вышагивание и направиться к постам контроля. Везде я спокойно предъявлял свой паспорт, везде внимательно смотрели на меня, а потом на фотографию, молча убеждались в вопиющих различиях, после чего возвращали мне паспорт и направляли на следующий пост. Везде царила приподнятая атмосфера, везде перешёптывались, в воздухе витала тайна, и начальники поменьше заглядывали через плечо начальникам побольше – только бы увидеть хоть краешек моего паспорта.

Так я оказался в автобусе, который повёз меня и других пассажиров на аэродром – он располагался за городом.

Через некоторое время мы подъехали к воротам, ведущим на лётное поле. В автобус вошёл пограничник и попросил приготовить паспорта. Я растерялся, потому что не ожидал больше никого, кроме стюардесс. Но удача и здесь сопутствовала мне – внимательно вглядываясь в лицо каждого пассажира и в его паспорт, пограничник ничего не мог видеть. Всё благодаря бельгийцам. Я вознёс хвалы западной рациональности и мысленно поддержал их: компромиссов быть не может, и не должно быть – неуплата есть неуплата. Разумеется, если это не касается телефонных счетов.

Автобус проехал на лётное поле и остановился около самолёта. Знаете, у меня ещё не было чувства, что я выбрался. Во-первых, еще неизвестно как я перейду границу. Меня, знаете ли, раздражают эти американские фильмы, где герой, как только чего-нибудь достигнет, сразу начинает шумно радоваться и кричать: „Йес!“. Мы-то с вами знаем, что, пока он радуется, откуда-то из-за угла уже лезет какой-нибудь недоубитый гад. Ибо мы бывшие граждане России. Что американцы могут знать о том, как крепко тебя может шандарахнуть из-за угла? Поэтому меня не обманывало ни проникновение на лётное поле, ни каждая ступенька трапа, по которой я поднимался всё выше к самолёту, ни кресло, в которое я уселся. Только когда самолёт разогнался и оторвался, наконец, от земли, только тогда, заглянув для верности в иллюминатор и убедившись, что земля далеко внизу, я позволил себе немножко порадоваться.

Как ни странно, всё это и оказалось кульминацией моей истории. Сам переход границы прошёл спокойно и буднично, как будто я проделывал это сотни раз. Колючей проволоки не оказалось, но на естественных высотах дежурили люди с биноклями. Мне рассказали, что они на газиках быстро подъезжали к любому, кто полз или бежал где-то там внизу, и шанса не оставляли никакого. Но со мной этого не случилось. В Уральске я остановил водителя, которого нанял до Самары. Он с готовностью повёз меня, хвалясь, что на погранпункте у него родственник, и поэтому мы проедем без очереди. Действительно, очередь оказалась громадная, часа на два. Он проскочил её и остановился у самого шлагбаума. Меня оставил в машине, а сам взял мой паспорт и понёс в будку. Скоро он вышел из будки, вернул мне паспорт и протянул два экземпляра декларации, чтобы я их подписал. После этого он вернул декларации в будку и шлагбаум открылся. Вот и всё.

Когда мы проехали шлагбаум, я сразу оказался законным человеком, который вообще не был ни в каком Казахстане.

Он довёз меня до Самарского железнодорожного вокзала. Там я сел на поезд, и на следующее утро, в шесть часов, я был уже в Москве. Воссоединившись со своим паспортом, я в восемь вечера этого же дня сел в самолет Эль-Аль, который вёз меня домой. Публика в самолёте с удивлением смотрела на смуглого узкоглазого господина в меховой шапке и халате, который задумчиво напевал заунывные песни казахских акынов. Это был я. Одним казалось, что я, должно быть, перепутал самолёт. А другие думали: „Зачем таких пускают?“ На это я хочу сказать вам пару слов и призвать к надлежащей терпимости. Знайте, дорогие мои соплеменники, что евреи бывают разные, чёрные и белые, жёлтые и красные, большие и маленькие. И если вам встретится странный узкоглазый человек, небритый, полудиккий, пахнущий бараном, в халате на босу ногу, то не спешите гнать его из самолёта – он, братцы мои, может оказаться ваш брат-еврей, который с трудом и слезами проделывает свой путь домой с чужбины...

Ну, дальше в этой истории рассказывать просто нечего. Оказавшись в своей уютной родной квартире, расположенной в тихой улочке моей тенистой Петах-Тиквы, среди дорогих родственников, замерших передо мной в немом ужасе, я первое время не мог вымолвить ни слова.

- Мама, кто это? – спросил мой сын, с опаской трогая мои свалявшиеся длинные волосы.
- Ты что, сынок, посмотри получше, на кого он похож? – сказала моя жена.
- Он похож на Исава, – уверенно сказал сын.

Я насупился, молча распротёр босые невымытые ноги и пошевелил пальцами. После этого я достал из сумки валяные расшитые тапки, осмотрел их, и, проглотив комок, застрявший в горле, надел. Спокойно, твёрдо и тщательно – один тапок надел на одну ногу, потом другой тапок надел на другую ногу. Ибо закон, братцы мои, в жизни может быть только один – ДОМАШНИЕ тапки надо носить ДОМА.

Кстати, хорошие оказались тапки.

Эдуард РЕЗНИК.